

Цзи Фаньинь очнулась от дурмана, поморщилась и потерла затекшую шею. Карета плавно покачивалась на ходу.

Воспоминания хлынули в сознание. Она отдернула занавеску с левой стороны. Солнце уже склонилось к закату, заливая горизонт багрянцем, словно кто-то неосторожно разлил акварельные краски — зрелище было ослепительным.

Сердце Цзи Фаньинь пропустило удар, лицо мгновенно побледнело. Полдень давно прошел, неужели Вэй Шань...

Рыдания, словно невидимые ладони, вырвались из глубины души и сжали сердце.

Хотя она была готова к такому исходу, удар все равно оказался сокрушительным.

На губах Лян Сесяо заиграла горькая усмешка. Даже если она лишилась прежних воспоминаний, след, оставленный им в ее сердце, все еще невозможно стереть, верно?

— Поешь чего-нибудь.

Длинные пальцы откинули край занавески, и в ту же секунду с тыльной стороны ладони отозвалась знакомая острая боль.

Лян Сесяо беспомощно улыбнулся. Раньше он и не замечал, что эта маленькая дикая кошка такая зубастая.

— ...Как бы то ни было, это человеческая жизнь. Как ты мог просто стоять в стороне и не помочь?

Миндалевидные глаза маленькой кошки были влажными от слез, а прерывистые всхлипы выдавали, как сильно ее обидели.

Кто ее обидел?

Он!

Лян Сесяо поднял руку и подушечками пальцев бережно стер слезы с ее нежного лица.

Опустив взгляд, он задал встречный вопрос:

— Ты понимаешь, каков статус Вэй Шаня?

— Он государственный наставник, которого почитают все в Пэнлае, — не раздумывая, ответила она.

Едва слова сорвались с ее губ, сердце внезапно дрогнуло. Она вдруг вспомнила разговор владельца гостиницы и слуги, в которой они останавливались прошлой ночью...

Все встало на свои места.

Поняв, что она догадалась, Лян Сесяо разломил мясную лепешку пополам, протянул ей кусок и продолжил объяснять:

— Отец Вэй Шаня — бывший государственный наставник Пэнлая. Он уж точно не позволит сыну погибнуть напрасно.

Закат догорел, сгущались сумерки.

В отдаленной усадьбе на окраине города.

Вэй Шань последовал за человеком в черном внутрь, где его встретил слуга:

— Молодой господин, господин и старый генерал Хо Цю ждут вас в зале для совещаний.

Старый генерал Хо Цю?

Вэй Шань решительно вошел внутрь и столкнулся с теми самыми людьми, о которых говорил слуга.

Стоило ему бросить взгляд на мужчину с серебряными волосами и в золотой короне, как он застыл в изумлении.

— Чего же ты медлишь? Склонись перед старым генералом Хо Цю! — голос Вэй Чанъяня внезапно стал резким, он явно хотел поторопить сына.

Вэй Шань опомнился и поспешно поклонился.

Хо Цю когда-то был великим генералом, командовавшим всеми войсками Пэнлая. В молодости он не раз совершал походы на Инчжоу и Фанчжан, не зная поражений, и гремел славой на весь мир.

После того как три страны заключили мирный договор, его отправили в отставку.

Когда на престол взошел Гу Цинью, принявший титул императора Цзя, власть окончательно перешла в руки брата и сестры из рода Гу.

Гу Лихуа погрязла в роскоши и безудержном расточительстве, а Гу Цинью проводил время в женском обществе, совершенно забросив государственные дела.

Хо Цю неоднократно подавал прошения с призывами одуматься, но их оставляли без внимания.

В ярости старый генерал ударил по столу и в сердцах воскликнул: — Пэнлай погубят брат и сестра Гу!

Тайное всегда становится явным, тем более когда слова были сказаны при множестве придворных.

Гу Лихуа, как раз планировавшая строительство нового дворца, услышав это, не рассердилась, а рассмеялась и тут же приказала казнить Хо Цю.

Старый генерал, который должен был пять лет назад лежать в могиле, сейчас стоял перед ним живой и неведимый — никто не смог бы принять это без смятения.

Переведя взгляд на отца, Вэй Чанъяня, он понял, что теперь всё встало на свои места.

— Столько лет прошло, а Шань-эр стал таким зрелым и рассудительным, и к тому же занял место, которое так почитают жители Пэнлая, — Хо Цю похлопал Вэй Шаня по плечу и одобрительно улыбнулся.

— Старый генерал слишком добр ко мне, — смиренно ответил Вэй Шань.

— Тебе уже двадцать четыре, верно? Обзавелся семьей?

— Муж сначала должен достичь успеха в делах, а уже потом думать о семье.

Хо Цю погладил бороду и, улыбнувшись, произнес:

— Чанъянь, Шань-эр — достойный сын, ты отлично его воспитал.

Лицо Вэй Чанъяня осталось бесстрастным, лишь уголки губ едва заметно дрогнули.

— Раз уж ты встал на путь служения, мы с твоим отцом не станем ничего скрывать, — Хо Цю перестал улыбаться, его брови нахмурились, а голос стал суровым. — Шань-эр, ты печешься о судьбе Поднебесной. Не задумывался ли ты о том, чтобы свергнуть тиранию брата и сестры Гу?

<http://bllate.org/book/25721/3075303>